

МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОРУМ «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» X ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ 3-8 октября 2012 г., о. Родос, Греция

Круглый стол «Византийское наследие и его значение для европейской цивилизации»

Александр Неклесса

председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации,
член бюро Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН,
заместитель генерального директора Института экономических стратегий,
директор Центра геоэкономических исследований ИАФРАН (Лаборатория «Север–Юг»)

СЕВЕРНАЯ РОМЕЯ: ПРОСТРАНСТВА СЛОЖНОГО ДИАЛОГА¹

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Византия, Россия, Русь, Тартария, Московское царство, Рим, Второй Рим, Третий Рим, ойкумена, субэкумена, интегрция, империя, идентичность, фронтирность, экстремальность, христианство, исихазм, апофатизм, синергия, неопределенность, сложность, методология познания и действия, негативная диалектика, невербальный диалог.*

Уважаемый господин председатель, коллеги, дамы и господа,
несмотря на присутствие в тексте выступления исторических, теологических и, в меньшей степени, философских аллюзий, его доминанта все же культурологическая и в некоторой степени – методологическая.

Содержательную же часть я хотел бы ограничить размышлениями о некоторых аспектах византийского воздействия на русскую культуру, повлиявших на генезис российской идентичности. И затронуть вопрос, в каких формах культурное наследие Второго Рима может быть интересно современному миру, в частности, обратив внимание на перспективность «негативной рациональности» и ее методологических производных.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей политические, экономические форматы, близка к завершению.

Города, заселив планету, умножаются в числе; расплзаясь по планете мегаполисами, они переживают разнообразные мутации, обращаясь в хабы и терминалы многомерного

¹ © 2012, Александр Неклесса

метополиса. Национальные государства утрачивают актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глокализации, субсидиарности и новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные интегрии, по-своему перемалывают состояния и границы прежних сообществ.

Страны – это люди. Количество жителей Земли прирастало за век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изощенный технический инструментарий резко повысили степень взаимодействия, результативность процедур. На трансграничной земле переселяются народы, творится смещение цивилизаций, ведется чреватый конфликтами диалог культур и мировоззрений. Наряду с прежней феноменологией возникают общества, выстраиваемые по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность...

Как мыслить настоящее настоящее: рефлекторно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный порядок, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?

Ориентация в нелинейных дефинициях энергийного социокосмоса предполагает опознание его организующих начал, создание гибких прописей знания/действия на языке актуальной бесконечности, включая готовность к радикальным переменам и неожиданным приобретениям/потерям. Мировоззренческие галактики предопределяют своеобразие координат практики, аранжируют геометрию интеллектуальных пространств, диктуют права и правила – гармоника, в соответствии с которыми создаются политические и экономические оболочки. Социокультурная гравитация, притягивая либо отторгая народы, концентрирует миростроительными идеалами протееобразные туманности, фактическое тело которых сопричастно в схожих, но порой и в различных мирах.

Иначе говоря, культурная среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императивное условие осознанного и значимого присутствия в новой зоне, а проблема идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

СТРАНСТВУЮЩАЯ ИМПЕРИЯ

Образ цивилизации-ойкумены запечатлен в архетипе вечного Рима (*Roma Aeterna*) – странствующей империи, преодолевающей конфессиональные, этнические и географические пределы. Символизм блуждающего по планете Вечного Города – отражение тяги людей и сообществ, придерживающихся различных взглядов, к цивилизованному² обустройству земной жизни. Слабо различимый в сумраке европейской истории гамбит сюжета запечатлен, возможно, в «Илиаде» и «Одиссее»; эндшпиль – в моделях Глобального Града.

История Рима являет нам три лика: языческий, христианский, исламский, объединяя различные народы, общности, континенты: Европу, Азию, Африку. Охватив едва ли не три тысячелетия человеческой хронологии, она отмечает своими метаморфозами эпохи

² Ср. «civilis» – цивилизный, гражданский, публичный, городской, учтивый, порядочный, вежливый.

Античности, Средневековья, Нового времени. Есть у этой истории и пролог, строки которого, воспев прародину основателей града, удерживают фрагменты памяти о заре цивилизации.

Странствующая во времени и по планете полития (*translatio imperii*), – универсальный эскиз глобальной ойкумены: государственность, обосновавшая вектор всемирной летописи народов; полиэтничность, людское многоголосие ее родовой признак, явивший миру феномен политической интегрии: суммы народов – *империи*, прочитываемой каждый раз по-новому, меняя смыслы, смещая акценты. Очерчивая пределы актуальной ойкумены, Рим породил массу реплик и подражаний. Самим форматом цивилизованности человечество обязано римской государственности, ее принципами и категориями: *республика, сенат, имперурум, магистратура, юриспруденция* и т.д.

Свержение царя-тирана (*рекса*) – Тарквиния Гордого, стало фундаментом просуществовавшей приблизительно полтысячелетия Римской республики (*Res publica Populi Romani* или *Senatus Populusque Quiritium Romanus, SPQR*) со своими юридическими концептами и политическими механизмами, ограждавшими республиканский строй, затрудняя появление узурпаторов. Организация власти предусматривала наличие *двух* избираемых на определенный срок *консулов*, т.е. постулировалась сменяемость и коллегиальность высшей магистратуры. Власть которой в свою очередь уравнивалась *сенатом* (аристократией); плебейским *трибунатом* (с правом вето на решения консулов); народными собраниями (*комициями*); а также – коллегиальной магистратурой *цензоров*, надзиравших над государственным хозяйством, гражданским цензом (сословной принадлежностью) и всем корпусом должностных лиц (*censura morum*).³ Кроме того предусматривались легальные процедуры привлечения к ответственности носителей высшей власти (*имперуума*).

Последующая история Рима – история *принципата, домината*, разделения на Запад и Восток. И погружения западной полусферы в эклектику темных веков с попытками восстановить, отстроить собственную версию *Orbis Romanum*, начиная с франкской империи Карла Великого (800).⁴ Сюжет был продолжен Римской империей (962), основанной Оттоном I (*Romanorum Imperator semper Augustus*), менявшей имена и политическую значимость⁵: Священная Римская империя (*Sacrum Romanum Imperium*), Священная Римская империя немецкой нации (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicæ* или *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicæ*), просуществовав в подвижных и мерцающих обликах до 1806 г.

Наряду с формированием Европы национальных государств, продолжали существовать такие осколки и вариации темы, как Австрийская империя и Австро-венгерская монархия

³ Были к тому же формализованы ситуации, когда та или иная серьезная угроза республике все-таки требовала единовластия и предоставления особых полномочий (т.е. введения диктатуры – института *summum imperium*, при котором разделение власти приостанавливалось: *dictator optima lege creatus*). Либо возникала необходимость временного упрощения намеренно усложненной системы командования войсками или реализации режима чрезвычайного положения в провинции. Для подобных исключительных обстоятельств существовали юридические регламенты, позволявшие управлять бурными событиями законным образом, устанавливая при этом ряд привилегий/ограничений по срокам и пространству действия специальных форм правления (кризисных процедур).

⁴ В политической логике своего времени – 68-го после низложения Константина VI римского императора. Возрожденный институт западной римской империи, однако, не получил полноценного признания на Востоке, хотя формальное признание императорского титула Карла все же было выражено Михаилом III.

⁵ *Цесария* в российских документах позднейшей эпохи.

(*Kaisertum Österreich*, 1804-1867 и *Die im Reichsrat vertretenen Königreiche und Länder und die Länder der heiligen ungarischen Stephanskronen*, 1867-1918). Категория «империи» постепенно приобретает метафорический характер, обозначая обширные континентальные государства: вторая Германская империя (*Deutsches Reich*, 1871-1918) и недоброй памяти несостоявшийся, неофициальный Третий Рейх (*Deutsches Reich*, 1933-1943; *Großdeutsches Reich*, 1943-1945)⁶; можно припомнить первую и вторую французские империи: Наполеона I (1804-1814, 1815) и Наполеона III (1852-1870), использовавшие политические и лексические аллюзии из арсенала римской истории. А также заморские конгломераты колониальных империй во главе с британской.

Наконец, уже в наши дни – интегрируемую и интегрирующую внешнее окружение мозаичную конструкцию Европейского Союза.

* * *

Примечательна судьба «Востока» – Второго Рима, государства Βασιλεία Ῥωμαίων. Весьма различны меж собой история этой римской метаморфозы с ее взлетами, перипетиями, катастрофами и стереотипные представления о ней как о неподвижной, инертной, монолитной конструкции.

Территориальный образ христианского Рима изменчив, динамичен, однако и он не просто меняет свою размерность. Так при Юстиниане вновь проступает контур былого трансконтинентального гиганта. Опоясав своей телесностью прибрежные земли *Mare Mediterranea* – Средиземноморья, империя от Нового Рима-Константинополя через Анатолию доходит до рубежей Закавказья; здесь, оттолкнувшись от персидского приграничья, следует разворот к Антиохии и Святой земле; оттуда через Египет по кромке североафриканского (ливийского в терминологии времени) побережья ромейская государственность устремляется к югу Иберийского полуострова; далее, пометив Корсику, Сардинию, Сицилию, охватив Италийский сапожок и захватив Иллирийские просторы, распространяется на Север: от Греции к Болгарии, а достигнув крымского побережья Понта Эвксинского, прикасается к землям далекой Тамани – баснословной Тъматорокани.

Но в какой-то момент даже центральные области второго Рима напоминают разбитое зеркало, разлетевшись на множество продолжающих крошиться осколков: Латинская империя и ее вассалы с вкраплениями венецианских и генуэзских анклавов, православные державы, сельджукские, а затем османские территории. Некоторое время этот властный калейдоскоп словно бы находился на историческом распутье и походил на западноевропейскую чересполосицу, разве что с более выраженным конфессиональным разнообразием: Королевство Фессалоника, Ахейское княжество, герцогства Афинское и Наксос, Морея, Кандия, королевство Кипр, царства Болгария и Сербия, Эпирское царство, Великая Влахия, Никейская и Трапезундская империи, Киликийское царство, Иконийский султанат (Рум)... Затем вновь, хотя далеко не в прежнем объеме, восстанавливается относительная целостность Византии.

Да и само последующее крушение империи, сжавшейся в ту пору фактически до размеров территории Нового Рима-Константинополя, содержит лабиринтообразный символизм, замкнув исторической метафорой (сближающей с ахейским прочтением

⁶ Метафора Третьего Рима звучала и в Италии во времена ее объединения (Джузеппе Мадзини), и в текстах времен Муссолини.

прототипа) на противоположном берегу – на краю другого континента, орбиту перемещающегося по планете Вечного Града.

* * *

Жизненный цикл РOMEИ (Ρωμανία), государства-феникса, на этом, однако, не заканчивается. Продолжается он в иной ипостаси – исламской, удерживая, а в чем-то расширяя территориальные пропорции Восточного Рима. Османские султаны/халифы⁷, владельцы по-прежнему полиэтничной и трансконтинентальной, все так же расположенной на трех континентах державности, считая себя законными преемниками римской государственности, приняли, начиная с завоевателя Константинополя⁸ Мехмеда II, символическое бремя ромейской власти – титул римского Цезаря (*Kayser-i Rum*). И носили его вплоть до окончания Первой мировой войны.⁹

В XX веке возникают политические конструкты *сообщества наций, великой державы, суперсилы, биполярного мира*, навеявая воспоминания и о вселенских амбициях отошедших в прошлое персонажей, и даже о былом противостоянии Рима и Карфагена... Ну, а ближе к нашим дням – в разговорах о *глобализации, однополярном мире, «господствующей мировой державе»*¹⁰, *Rex Americana* – мы опять-таки слышим отзвуки темы римского могущества, видим отблеск его регалий и стигматов у страны, реализующей с вершины собственного Капитолийского холма свою версию универсального присутствия в нынешней географии мира.

Имперская тема проскальзывала также в рассуждениях о *глобальной штабной экономике* и трансграничных амбициях элит как формуле постсовременной политической организации ойкумены.¹¹

Речь между тем вновь заходит о *великом переселении народов*, проблемах *однополюсной конструкции, глобальном кризисе, приближении мирового беспорядка, неосредневековье* – о ветре эпохальных перемен, шелестящем страницами истории: конце очередной ее главы и пришествии Нового мира.

⁷ Султан Селим I (внук Мехмеда II), уничтожив государство мамлюков в Египте (1517), принял титул халифа, который османские правители носили до марта 1924 г.

⁸ Новый Рим-Константинополь, ставши столицей Великого Османского Государства (عثمانیه دولت – *Devlet-i Âliyye-i Osmâniyye*), сохранял свое международно признанное имя вплоть до 1930 года, когда в ходе реформ Ататюрка было предписано использовать турецкоязычную версию топонима – Стамбул (*İstanbul*), происходящую, однако, от разговорного «*ис тин πόлин*» (греч. *εἰς τὴν Πόλιν*) – «в город» или «к городу», т.е. еще одного и, пожалуй наиболее символического, выразительного его имени: *ἡ Πόλις*, т.е. просто – «Город».

⁹ Можно вспомнить также греческую «Великую идею» (Μεγάλη Ἰδέα) – ирредентистский замысел о реставрации нео-Византии с центром в Константинополе (в том числе на основе политического тела Османской империи). Или связанный с данным замыслом греческий проект Екатерины II.

¹⁰ Выражение Колина Пауэлла, озвученное в бытность государственным секретарем США.

¹¹ «Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, – описывает положение вещей интеллектуал-финансист Джордж Сорос. – Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели». Джордж Сорос. Кризис мирового капитализма (George Soros. The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered, 1998).

Однако суть проблемы все-таки не в политической истории.

НОВЫЙ РИМ

Удивительна интенсивность духовной жизни Второго Рима: базары и арены, превращенные в места бурных дискуссий, где обсуждались не только новости повседневной практики, но с не меньшей страстностью – догматика и теологумены, прописываемой в земной летописи христианской цивилизации.

Само догматическое и церковное здание христианства обустроивалось на созываемых императорами (автократами, базилевсами) вселенских и поместных соборах, в ходе борьбы с ересями за православное единомыслие. Причем с ересями, порою преследуемыми как государственное преступление, а порою – представлявшими государственную политику. Многообразие духовного творчества дополнялось необычной для своего времени и обстоятельств социальной мобильностью, когда пелена родовитых кланов, поставлявших кандидатов на императорский престол, прорывалась выходцами из социальных низов: императорами становились солдат-наемник, бывший крестьянин, конюх, торговец-меняла...

Политическая жизнь Византии, несмотря на декларацию симфонии имперских и церковных властей¹², подчас прямо определяется как *«абсолютная власть, ограниченная легальным правом на революцию»*¹³, т.е. она отчасти унаследовала черты той специфической организации, которая сложилось еще во времена принципата и была охарактеризована Теодором Моммзенем как *«перманентная революция»*¹⁴.

Однако на излете империи реформируется прочтение христианского политического текста¹⁵, переосмысливаемого как земная оболочка гармонии общежития, сообщества, соборного тела. Мировоззрение это с привкусом хилиазма и обертонами «апокалипсиса Исайи» уводит от диссонирующей подвижности *«перманентной революции»* и ревнивой симфонии к двусмысленному покою *«отмирания государства»*, претворяемого в многоцветную *«семью народа/народов»*, т.е. пасификации по образцу *«на земле мир, во человецех благоволение»*.¹⁶

¹² См. предисловие Юстиниана I к 6-ой новелле «Новых Конституций» (Novellae Constitutione; Νεαράϊ): *«Величайшие дары Бога людям от человеколюбия свыше данные – священство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία), одно, служа божественному, другое, о человеческом заботясь и управляя, – из одного и того же начала вышли и привели в порядок человеческую жизнь. Поэтому ничто так не было бы весьма желанным царству, как величавость цереев, если бы только за него самого всегда они молили Бога. Ибо если первое было бы беспорочно всесторонне и с искренностью к Богу сопричастно, второе верно и подобающим образом вверенное ему государство приводило бы в порядок, было бы согласие некое благое (συνφωνία τις ἀγαθή), что служит на пользу и благо человеческого рода».*

¹³ Gilbert Dagron. Empereur et Pretre. Etude sur le «Cesaropapisme» Byzantin (1996).

¹⁴ *«Римский принципат представляет собой не только на практике, но и в теории самодержавие, ограниченное революцией, которая легально признавалась перманентной».*

¹⁵ Т.е. *«христианской республики»*, где правитель («верховный пастырь») *«займет то же место, что Авраам в своей семье»* (Томас Гоббс).

¹⁶ Ср. политический идеал Михаила Ломоносова: *«Тишина в мире, тишина в Росской державе, покой и здравый рассудок в обществе».*

Тут, однако, возникает вероятность – а по сути, серьезная опасность для христианской культуры, в том числе политической – смешения категорий вечности и безвременья. Иначе говоря, искус простодушного либо вполне лукавого, *пристрастного* сближения с «азиатским» (деспотическим) идеалом неподвижности (ср. «*павильон вечного покоя*»). Соблазном, обусловленным не только привязанностью к власти, но и древней боязнью перемен – в сущности, социальным эскапизмом, что радикально отличает данное статичное, «застойное» мировоззрение (сродни «дурной бесконечности») от христианского взгляда на превосходство вечности над временем как исполнение его полноты («*времени больше не будет*»). В том числе в результате человеческих усилий, определяемых как история, то есть преодоление и разделение.

* * *

Ощутимо расхождение и с западноевропейским политическим мировоззрением, формировавшимся в ходе городских революций, воплотившись в формулу национального государства как пространства «*непрерывного плебисцита*». И с воследовавшей сменой восприятия/стратегии частной духовной жизни как личной мистерии (*лествицы*), на интенсивные усилия по верификации статуса спасения (*предопределения*) в категориях успеха, причем чаще понимаемого как успех житейский.¹⁷

Социокультурная динамика второго Рима, кажется, прервалась накануне возможного системного преобразования: в предрассветной дымке чудились невидимые миру, но улавливаемые внутренним оком контуры иных форм и основ организации общества. Политическое угасание империи во времена «Возрождения Палеологов» сопровождалось расцветом концептуального творчества, чреватым не только богословским осмыслением синергии, но и многообразных ее культурных следствий, предвкушением трансформации, если не трансмутации, религиозных и социальных институций. Процесс, надо сказать, в чем-то синхронный западноевропейскому транзиту, но отличный по внутренним основаниям.¹⁸

Трагедия восточно-христианской цивилизации, возможно, была предопределена сложностью, нелинейностью изначально избранной траектории, парадоксом, заложенным в политическое тело и связанным с императивом осмысления в православном тексте института императорской власти: икономической, по сути, идеей плотного сосуществования земного царства и горней общности, пребывающей в искаженных грехом земных пределах.

¹⁷ Тема избранничества неоправданно сужается из-за понимания тезиса об успешном, плодотворном развитии как признаке благословения и даров Духа – верификацией их исключительно в категориях житейского благополучия, *мирского успеха*. Между тем помимо реализации таланта как харизмы *профессионального мастерства* – способности к обустройству земного Града, ослабляющего тяготы земных обременений и влияющего на градус *цивилизованности* – призвание проявляется в наделении *творческим даром per se*. Но главное – обладание высшим даром *любви*, в земных обстоятельствах часто сопряженного с уделом *жертвенности* (благословении венцом мученичества). Критерий предназначения (своего рода упования) является аспектом «лествицы в миру», подпадая под подвижнический завет: «*много званых, но мало избранных*» («Евангелие от Матфея», гл. XXII, ст. 1-14). Особый разговор – об упованиях и семенах Прованса, Лангедока и о телеологии земной жизни в рамках «культуры минне».

¹⁸ В Западной Европе, переживавшей в те времена Ренессанс, еще пребывала в предсущественной слитности скрытая суетными муками развилка пути, провоцируя импульсы поиска панацеи, испытанные по-своему Франциском и Лютером. При этом ответ на другой, быть может более важный, но замаячивший слишком уж вдалеке кризис остался несформулированным, разгадка его глубинных причин – нереализованной.

Идеал симфонии властей предполагает как необходимое условие своего исполнения жертвенное (подвижническое) напряжение властителей, практику каждодневного преодоления конфликта страстей, т.е. ситуацию перманентно отодвигаемого кризиса, трансгрессии, чреватой в момент той или иной слабости молниеносным развитием катастрофы... Из этого источника, кстати, проистекает чин венчания на царство как укрепляющего сакрального действия с элементами особого таинства – увенчанного мона(р)шества, фиксирующего подвиг отказа от обычной земной жизни, т.е. деятельное «*бытие для других*»: своего рода незримое белое мученичество в миру и «*в самом своем естестве*». ¹⁹ В отличие, скажем, от интронизации или тем более республиканской инаугурации, т.е. ритуала принесения присяги сеньору (народу), иначе говоря, версии оммажа.

* * *

Римское наследие, сохраненное и преображенное в христианской Византии, влияло на облик совокупной цивилизации, изменяло ее. Пробуждая, к примеру, токи Ренессанса, одним из источников которого был поток идей и людей, манускриптов и произведений искусства, исходящий из Нового Рима, особенно после захвата его крестоносцами в начале XIII века.

Античное же интеллектуальное наследие вместе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени (высланным в VI веке императором Юстинианом за пределы империи), перемещается на восток в сасанидскую Персию Хосрова Ануширвана I, в расположенный восточнее Суз Гондишапур – наряду с Александрией ведущий «наукоград» тех дней. Обосновавшись, в конце концов, в Месопотамии, к юго-востоку от Эдессы в приграничном Харране (центре сабеизма), Академия просуществовала до конца XI века и была одним из основных источников распространения античных философских и научных (математика, астрономия, география, естествознание) знаний.

Переписываемые, редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую мысль. Затем это интеллектуальное наследие, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма²⁰), многочисленными путями возвращается в христианскую ойкумену, в свою очередь, интенсивно воздействуя на теологические и философские дискуссии средневековой Европы.

А, быть может, наиболее специфическое наследие римской цивилизации – республиканское законодательство, свод римского права, транслированный в сумятицу европейской городской революции (е.г. в виде дигестов Юстиниана), судя по всему, воздействовал на взгляды и действия, приведшие к генезису республиканской государственности Нового времени, начиная с революции Соединенных провинций.

Но лишь один наследник Второго Рима совершил исторический зигзаг, отвергнув прямое наследование исторического имущества, однако же приняв крестное содержание.

¹⁹ Действительно, в России сохранялось помазание на царство миром (как особое миропомазание), а не просто освящение елеем, да и причащались цари в алтаре.

²⁰ Так средневековая Европа прочитывает Аристотеля в толковании Ибн Рушда в латинском переводе еврейского изложения комментария к арабскому тексту, основанном на сирийском переводе с греческого.

ОСОБОЕ МЕСТО

Цивилизация, выражая универсальную тягу людей к обустройству мира и глобальной экспансии, вместе с тем является сообществом культурно-исторических типов, имеющих различные мироустроительные программы, вступающие в сложный, нередко чреватый конфликтами диалог. Под воздействием наследия Византии, складывалась идентичность России, впитавшая также дух экстремальности столь характерный для перманентно пограничных территорий и включивший психологическую доминанту «людей пути», их склонность к неформальности отношений.

Русский мир на протяжении своей истории сталкивался со многими искушениями. Далеко не все ему удавалось преодолеть с честью. И не во всем. Сильнейшими соблазнами среди других прельщающих обстоятельств оказались социальное и политическое имущество двух величайших земных империй: римской («византийской») и ордынской («татаро-монгольской»). Россия утверждалась в истории одновременно как христианское государство и как восточное царство. Однако в глубинном естестве она не Азия и не Европа, равно как не Евразия и не Азиопа. Московское царство мыслилось своими смиренными и горделивыми строителями, идеологами и метафизиками как особое место, средоточие «остатка» – остров верных, сберегающих истину в мире, заливаемом водами нового потопа, «*малым стадом*», наследующим землю. Спасительной и спасаемой общностью, избранным народом...

Речь шла о принятии на себя Московией роли хранителя иконы христианской ойкумены: образа вселенского православного царства, где «*несть ни эллина, ни иудея*» и где «*Господь в римскую власть написася*». Так что разговор, в сущности, шел не о прямом политическом преемстве и тем более не о бранных национальных претензиях либо государственных оболочках. Ну, а римская культура постепенно растворялась в предшествующие века еще в самой Византии и также оставалась в прошлом. Именно в миссии содержания в чистоте религиозных заветов Русия заявлялась *ортодоксальным* (православным) Третьим Римом, где русские – не этнос, а *ромей*, а Русское царство – царство *Ромейское*. Так, кстати, подчас в документах и писалось.

Действительно, в ряде текстов XVI века изначально прописано «ромейское», а не «росейское» или «росийское» (как впоследствии, а порою и до настоящего времени воспроизводилось, да и сейчас воспроизводится), т.е. «великое Ромейское царствие, Третьей Рим». Но данное написание оставалось забытым и абберация – неизвестной, кажется, вплоть до самого начала XX века.²¹

Инстинкты российской энтелехии – своеобразный «русский габитус», проявлялись в собирании разноплеменных народов, в прозелитических, культуртрегерских амбициях, в

²¹ В рассуждениях на тему «*Русь и Росія*» много причудливых закоулков (да еще с византийскими обертонками библейского *Рош*). Так, любопытна мысль о несознательной путанице греческих букв ρ и σ в строчном рукописании *Рѡм* и *Рѡс* и их производных. Что породило именование «*росейское*» и производное «*Россия*» (*Рѡсія, Росія, Россія*), зафиксированное со временем в титуловании Димитрия (*Цесарь и Великий Князь всея Росии, всех Тартарских царств...*). Закрепилось же оно в более привычном виде в титуле царя Алексея (*Великий Государь Царь и Великий Князь... Великия и Малыя и Белья Росии*), а как официальное название государства – при Петре I (*Российская империя*). До того, начиная с Ивана Грозного – *Русское царство*, а ранее – *Великое княжество Московское*. Выражение же *Всея Руси* впервые во внешнеполитических отношениях включил в свой титул Иван III (1493 г.), причем произошло это на переговорах с *Великим Князем Литовским и Русским*.

освоении и присвоении мозаичных восточных и южных пространств (*ареалов окормления*). Параллельно происходило усвоение опыта, умений сопредельных народов, включая обширное ордынское наследие: процесс, напоминающий взаимопроницаемость культур Запада и Востока в эпоху крестовых походов.

В архетипическом подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность. Дело, пожалуй, вот в чем. В ходе обсуждений и рассуждений на тему русской идеи то и дело сталкиваешься с реестром концепций идеологического извода. Самыми яркими являются идеологемы или, как сейчас сказали бы, «мемы»: *Третий Рим, самодержавие – православие – народность, Третий Интернационал...* Список легко расширить и продолжить.

Концепция Третьего Рима обычно связывается с именем старца псковского Елеазарова монастыря Филофея: ее известные формулировки содержатся в письмах дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину «Послание о злых днях и частях» и Великому князю Василию III «Об исправлении Крестнаго знамени и о содомском блудѣ» (1523/1524 г.). Однако идея восстановления порушенной Византией «харизмы Константина» была сформулирована несколькими десятилетиями ранее митрополитом Зосимой в предисловии к «Изложению пасхалии на осьмую тысящу лет... в ней же чаемь всемирнаго пришествия Христова» (1492). Текст рассуждения являлся реакцией на несостоявшийся в конце седьмого тысячелетия конец света, т.е. откликом на то видение истории, где произошедшее падение Константинополя (а вскоре и Трапезундского царства) увязывалось с апокалиптическими чаяниями. Создававшаяся ситуация требовала переосмысления. Зосима предложил его в форме истолкования тезиса о первых, которые станут последними и последние первыми в следующей формулировке: «*Прослави же Бог перваго царя Константина... И ныне же, в последниа сия лета, яко же и в перваа, прослави Бог... благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Костянтину – Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя*». Таким образом, в тексте послания отодвигаемые по срокам эсхатологические чаяния соединялись с представлениями об исторически последнем царстве и неявным осмыслением нового тысячелетия в миллениаристском духе.²² Можно вспомнить в этой связи также «Повесть о Белом Клобуке». (Еще раньше – в XIV веке, т.е. до падения Константинополя, но уже с угасанием империи, притязания на преемство прослеживаются в православном царстве Сербии: Стефан IV Душан последовательно становится «*кралем и самодержцем Сербии и Романии*», «*басилевсом Сербии и Романии*», «*Rex Rasie, Imperator Romanie*». В том же веке в правление болгарского царя Ивана-Александра древний Рим в Болгарии сравнивался не с Константинополем, а со столицей Тырново – «*нашем новым Царьградом*», который «*растет и силится*».) 1492 (7000-ый от сотворения мира) год, пробудив эсхатологические ожидания и мистические аллюзии, причем не только в христианском мире, стимулировал интенсивные историософские размышления, имевшие многообразные следствия.

²² Тем самым постулировалось царство, оправдывающее вхождение мира в восьмое тысячелетие вопреки ожиданиям конца света (вплоть до отсутствия пасхалий). Проблема же заключалась в характере нового царства. Является ли оно воспоследовавшим за «звериными империями» Царством Христа, как, в сущности, определялось Зосимой (писавшего о замене в достоинстве христианского царства падшего Константинополя Москвой – «*новым градом Константиновым*»), т.е. избегавшего темы исторической преемственности трех градов-империй? Или же речь идет о третьей версии именно Рима (как у Филофея), что с одной стороны обосновывалось рождением в нем Христа, с другой – открывало путь к сопоставлению Русского государства с четвертым царством (и его разделением) из пророчества Даниила. Другими словами – с царством антихриста, подобно бытовавшим в то время аллюзиям на тему Священной римской империи, но также в русле размышлений о причинах поругания Константинополя при одновременном сохранении католической Римской империи. Ср. описание зверя-дракона четвертого царства как трехглавого орла в пророчестве четвертой (третьей) книги Ездры, введенной в круг чтения архиепископом Геннадием, инициировавшим перевод библейских книг с Вульгаты. Вспоминается в данном контексте и «*многокрылый орел с львиными когтями*» из «Повести о псковском взятии».

Символизм этого года связан также с расчетами относительно дат рождения и распятия Иисуса Христа (который не мог появиться на свет в 1-ом году н.э., т.е. через 4 года после смерти Ирода). Отсюда, частично, и эсхатологические построения того времени (е.g. Николай Латынянин/Булев), связанные с 1523/24 годом. В российской же истории конец XV помимо окончания периода ордынского вассалитета отмечен сокрушением Новгородской республики Иваном III (1471 и 1478 гг.), уничтожением вечевой ее организации. В духовном же и внутривластном отношении это было время кризиса, связанного с распространением антиринитарной «ереси жидовствующих».

Тут уместно сделать одно замечание. Любопытна вероятность присутствия в сюжете некой исторической («конспирологической») интриги: внедрения социокультурного гена – идеи *Третьего Рима*, европейскими персонажами с целью выстраиванию долговременной военно-политической оппозиции России по отношению к Османской империи.²³ Или северо-западными обитателями Руси как средства удержания восточной, порою уж слишком восточной в географии и политике того времени Московии²⁴ от искушения принятия в культурно-политической полноте наследия распавшейся приблизительно в тот же период, что и Византия, другой вселенской империи: Ордынского царства (*Yeke Ulus – Великого улуса* или *Империи Великая Тартария* – и такое встречалось определение в европейской дипломатической переписке).²⁵

* * *

На каком же фундаменте возводилось здание государства российского, впитавшего не только ордынские токи, но испытывшего также воздействие цивилизационной энергетики Второго Рима?

Наследие это, вопреки расхожим схемам, воспринято было парадоксальным образом. Не в качестве собственно византийских государственных активов, а скорее как попытка очищения от коррозии своеобразного символического капитала того времени – идеи подвижного, политически сформулированного сообщества с особым мировоззрением, мироустроительным замыслом и провиденциальной целью. При ощущении уникальности **миссии сохранения, если не плода, то цветка ромейской духовности**. Того цветка, который, несмотря на окружающие нестроения, произрастал и благоухал именно в последние века второй римской империи.

Не успевшие, однако, укорениться ростки культурного, социального пробуждения, непростые семена иного мироустройства были развеяны, рассеяны по миру. И, отчасти, перенесены на другую почву: в ареал, промышленного, но не реализованного, пребывающего в становлении, лишь начинающего постигать опыт суверенного домостроительства православного царства – «*страны великой надежды*», состояние земель которой было осложнено долговременным властным присутствием иной имперской традиции – ордынской.

²³ Ср. знаменитое «*обручение в Ватикане*».

²⁴ На европейских картах – западного лимитрофа «*Тартарии*», впоследствии инкорпорированной Русским царством, что, кстати, и стало основанием для соответствующего (римского) титулования государя.

²⁵ «*Тартария, более правильно Татария, имя применяется с некоторой степенью неопределенности к обширному региону Центральной Азии, а иногда и к части Восточной Европы. В самом широком смысле название относится ко всей области от Японского моря на востоке до Днепра на западе...*» (Encyclopædia Britannica, 1860).

В этих условиях «благоустроителям места сего» приходилось во многом полагаться на российскую версию своеобразной *золотой легенды*.

НА КРАЮ ОЙКУМЕНЫ

Претензия на всемирное обустройство, унаследованная от Рима первого и второго, оказалась необычайно близка народу-первопроходцу, обитателю «темных земель». И не покидала с тех пор его мятущуюся душу.

В сущности, на планете состязались две ветви цивилизации, несущей в своем естестве семена радикальных перемен (*ἀποκατάστασις*) и перманентной экспансии: поступательной, устремленной в будущее, а не «летописной» истории. С одной стороны – это европейская цивилизация, которая помимо англо-саксонской империи, «где не заходило солнце», произвела на свет собственную версию вселенского мира: эпоху Нового времени (*modernity*). Породив попутно энергичное сообщество «*объединенных государств*» («штатов»), выстроивших под сенью «*града на холме*» фундамент и само здание глобализации.

И не столь внятные, синкопированные, однако не менее дерзновенные, футуристичные эскизы Руси-России, которая проводила свою географическую, цивилизаторскую разведку боем, очерчивая, «закупоривая» обретаемые пространства, преодолевая в себе самой «скифский остров» – сгущавшуюся земную дикость, тьму... И одновременно грезила надмирными миражами, всемирными горизонтами, не слишком отдаляясь при этом от материнских (континентальных) пространств, но продуцируя ферменты трансграничной, планетарной, универсальной экспансии.²⁶

Перемещались народы, объединялись многообразные окраины, у-краины, лимитрофы, пределы: запорожские и кубанские земли, донские и терские станицы... Это дух и быт переселенцев и поселенцев Урала и Поморья, энтузиастов Беловодья, Алтая²⁷ и соратников Ермака, яицких, амурских, дальневосточных первопроходцев, шаг за шагом раздвигавших пространство ойкумены, заселявших и обустроивавших речные, степные, горные рубежи.²⁸ И еще – ушедшие от мира, скрывшиеся в неизведанных, «кромешных», «опрокинутых» землях монахи и старообрядцы... Все они по-своему укрупняли, творили очертания страны под стать меняющимся пропорциям и смещаемым границам мятущегося духа.

Свойством российского бытия, равно как национальной ментальности являлось парадоксальное смешение *центробежной* (географической, героической) и *центростремительной* (административной, закабаляющей) энергий, что приводило к внезапным кризисам и прорывам – сродни кесареву сечению либо преждевременным родам. Подобный контрапункт, отягощенный интенсивной экспансией (земной перенасыщенностью),

²⁶ Вспомним композицию герба скрывшейся в водах истории России-СССР.

²⁷ Идея «*особливости*» тревожила не только народную душу. Так задолго до современных спекуляций на тему Гипербореи об особой географии России писал Капнист, сопоставляя Урал с Рифейскими горами, Алтай с Атласом, помяная при этом и сады Гесперид, и «*славный в древности остров Атлантический*». См. Василий Капнист. Краткое изыскание о гиперборианах (1815). Подробнее см. Юрий Литвиненко. Русская Атлантида (2008; 2012).

²⁸ Всего же на территории Российской империи обустроились земли более десятка региональных казачьих войск.

отнимал силы от обустройства охваченных тонким покровом территорий. Раз за разом диссонанс проявлялся в коллизиях между незавершенной, несовершенной властной оболочкой (государством) и разноязычным²⁹ сообществом (населением), пребывающим в противоречивых цивилизационных состояниях, склонным к иноверию, двоеверию, что разделяло народ на разнящиеся, порой открыто конфликтующие сегменты.

Огрехи вынужденно проступали в подобной скорописи социального текста. Но было и нечто иное. В отличие от расширения состава и обустройства гражданского общества в ходе европейских городских революций сословное неравенство не сглаживалось в русском историческом потоке. Напротив, диспропорции, усугубляемые теми или иными обстоятельствами, прорывали цивилизационную пелену, доводя в какой-то момент положение значительной части населения буквально до рабского состояния («социального каннибализма»): легальной торговли соплеменниками и единоверцами.

* * *

Россия – архипелаг разнообразных форм заселения безбрежного сухопутного океана Северной Евразии. Пространство земного бытия, расчерченное линиями старых торговых путей и новых интерцивилизационных трактов, мыслительных устремлений, военных предприятий и социальных проектов; отягощенное склонностью его обитателей к ничем не ограниченному произволу, буйной пристрастности, отвращению от планомерного освоения повседневности, уходя то в подвиги, то в грезы, впадая в запредельную жестокость, сменяющуюся безудержным великодушием... Иначе говоря, обладающих всеми присущими данному способу бытия заблуждениями, ошибками, провалами, сантиментами.

Это еще и потоковая социальность, разъединенная обширнейшими, не слишком сросшимися пространствами, парадоксальный симбиоз разбойной вольницы с произволением местных администраций. Общественное развитие сдерживалось лоскутным характером коммуникаций, отдавая символический приоритет скорлупе централизованного аппарата, что сказывалось на конфессиональной, языковой, историко-мифологической связности, производя, закрепляя мистифицированные, нестабильные ориентиры, искусственные, спущенные сверху стереотипы, стимулируя и симулируя унификацию, вместе с тем провоцируя ее периодическое обрушение и неорархаизацию населения.

Ситуация осложнялась дополнительными делениями. Инициатива просвещенного общества – лишенного прочных оснований в специфической материальной культуре, где отсутствует полноценная городская среда необходимая для развития личности и затруднена самоорганизация – с какого-то момента расходится как с народной культурой, так и скрепами государственного устройства, рождая феномен «лишних людей». А затем становится все более критичной, конфликтогенной, оппозиционной к формам бытия тучного Левиафана.

Но тотальность российской власти («до всего ей есть дело») – не только пресловутые обручи, сдерживавшие центробежные энергии территориального гиганта. В своей патерналистской ипостаси это своеобразный субститут гражданского общества в его

²⁹ Речь, конечно, идет о широком понимании категории языка и языков. Причем не только в «горизонтальном» измерении: конфессиональном, цивилизационном, этническом, но и «вертикальном», т.е. в социальном смысле данного понятия, примером чего в один из периодов русской истории является прямая языковая автаркия – франкофония верхов.

домостроительном аспекте. Не только политическая/экономическая реальность, но перспективы и содержание культурной политики привычно формируются здесь не обществом, а государством. Из-за подобного своеобразия гуманизация среды и гражданский прогресс остаются главной социокультурной задачей России, а также ее политическим императивом.

Альтернатива подобному сценарию – девальвация этоса, истощение пассионарности и беды архаизации.

ОБАЯНИЕ НЕВЕДОМОГО

С наследием византийским сложилась непростая ситуация. В обществе до сих пор господствует стереотип именно о политическом преемстве Руси от Византии, выраженный, к примеру, в легендах о «шапке Мономаха», «родоначальнике Прусе, потомке Августа», «бармах», «белом клубуке», «двуглавом гербе Византии»³⁰ или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме...

Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только в каком смысле?

Если обратиться к документам и событиям эпохи (XV-XVI века), мы видим: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям образом. И формула Третьего Рима изначально осознавалась скорее как опровержение падшей Византии, отрясение ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования... Однако **обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, постигаемых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом – с изменениями, угасаниями, провалами вплоть до трагического надлома, было все же унаследовано Россией.** И унаследовано во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот практика, «практическое богословие» – сложились.

Обозначившееся вскоре после падения второго Рима Русское царство, обретая со временем собственный формат имперской государственности, аккумулировав претензии на реконструкцию вселенского миропорядка и нащупав стержень оригинального замысла («идеологии»), напоминало в тот период сжатую пружину. В течение короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но также

³⁰ Двуглавый орел не являлся гербом православной Римской империи, а был эмблемой семейства Палеологов (встречался и у других знатных семейств, а также в орнаментах и деталях декора, причем не только в Новом Риме, но и в Сербии, Болгарии, Армении, Сирии), происходившего из Малой Азии, где данный символ прослеживается, в частности, в качестве символики Хеттского царства. Изображение его имеется на монетах Улуса Джучи («Золотой Орды»), отчеканенных во времена правления ханов Узбека и Джанибека и на монетах Михаила Борисовича, последнего Великого князя Тверского. А в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя (1416) двуглавый орел присутствует как герб Руси (Ruthenia). В западноевропейской геральдике символ появляется в XIII веке, на монетах Людвига Баварского, на гербах бургграфа Вюрцбургского и графа Савойского. Он становится государственной эмблемой Священной римской империи при Фридрихе III Габсбурге (император 1452-1492). Любопытно, что в 1483 году Конрадом Грюненбергом был разработан для Фридриха проект герба с трехглавым орлом, что напоминает о символике пророчества из третьей (четвертой) книги Ездры и неоднозначной эсхатологической подоплеке концепции «Третьего Рима».

на самосознании народа. Эта возрастающая энергетика ввела в мировой текст деятельного персонажа, который с тех пор, несмотря на многочисленные пертурбации, вплоть до последнего времени не покидал историческую сцену.

* * *

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс (т.е. преимущественно косвенным образом), произвела ряд отличных от первоисточника и от западноевропейских версий христианской культуры производных. Созвучных, однако, психологическому складу как раз русских очарованных странников-первопроходцев, купцов и монахов, разбойников и воевод, обитавших – вспомним об этом обстоятельстве – на краю лишь частично познанной земли-ойкумены. Христианство в апофатическом прочтении придало горный смысл этому земному продвижению, драматичному поиску *запределья*.

Попробуем воспроизвести, хотя бы списочно, качества подобного самоощущения и состояния: *запредельность*, *экстремальность*, *безымянность*, *неформальность* (небрежение формой), *противоречивость*, *профессиональный дилетантизм*, *непредсказуемость*, *новаторство*, *неряшливость*, *неприхотливость*, *суровость*, *стойкость*, *лихость*, *инакость*, *мечтательность*, *максимализм*, *утопизм*, *юродство*, *буйность*, *разгильдяйство*, *подвижничество*, *продвижение*, *освоение*, *мобилизация*, *эсхатологичность*... И даже «перестройка» в каком-то неявном виде присутствуют в данном ряду, в том числе в залого катастрофичности, – и все вместе взятое входит в некую русскую социологию развития.

Каким образом? Одним словом не ответить. Но можно пытаться. Тяга к *запредельности*, *экстремальность* психеи пионеров и жителей *закромешья* («земли-по-ту-сторону») – «страны Рош», «Тартарии», «обители Гога и Магога», имеет не только внешние проявления. Она намекает именно на тип национальной идентичности: имманентное чувство трансцендентального замысла, тягу к нелинейной умственной геометрии, подсознательную трансграничную картографию, связанную с ощущением судьбы как миссии, наполненной дерзновенным содержанием. Русский закон – быть выше закона. Что проявляется и как рутина, и как доблесть, и как скотство.

Искаженное, неверное, подчас прямо извращенное, горделивое прочтение тезиса отзывалось в земной истории тяжкими, катастрофичными потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предъявленной миссии, так и для отречения от исторического промысла, от собственной идентичности (мечты) требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

* * *

Апофатическое богопознание предполагает испытания на грани предельности. Оно, собственно говоря, и основано на перманентном обитании в подобном статусе, на решительном, но умном шаге за очерченную привычным бытием границу.

Апофатическое мировосприятие активизирует неочевидные, «темные», глубинные свойства любви как высшей ценности и реальности, предполагающей в качестве земного проявления – в условиях перманентно проявляющихся несовершенств мира – жертву. И муку, связанную с протяженным во времени ее принесением, то есть кровоточивость во плоти и терпение вне общего предела. Без любви апофатическое миропознание как опознание истины

вообще невозможно, опасно и даже предосудительно: подобное действие ведет в лабиринт, из которого нет выхода. Или же во ад пустыни тесного одиночества.

Апофатический подход к миростроительству – практике земного бытия, есть самотворение и само-отворение (а подчас – искусительное/искупительное *самосожигание*). К тому же это скорее испытание мира с целью познания истины, нежели его перестройка. Схожим по целеполаганию, но не стратегии образом, катафатическое мировоззрение по своему акцентирует онтологичность любви, творчества и свободы. Плоды же богопознания принадлежат икономии и милосердию, т.е. всем.

Однако апофатика – дорога, где очарованного странника подстерегает множество искажений: это разочаровывающее постижение «сердца сердцем» – путь ошибок и катастроф. На распахнутых, бескрайних метафизических землях тонкая грань отделяет просветление от помрачения либо извилистых путей «религиозного атеизма». Чувство становящейся едва ли не обыденной запредельности (в том числе в страдании), насыщаемое сгущающимися, но остающимися незримыми токами, отражается в социальной/политической практике, ее экзотичности, экстремальности. Порою – свирепости. Экстремальности, которая имеет как интроспективную, так и мобилизационную составляющую, требуя в том и другом случае крайнего напряжения духа, формируя привычку к непрестанному усилию, сверх-усилию. И в то же время обладает странной при взгляде извне прозаичностью, будничностью, обращаемой властью подчас в прямую эксплуатацию способности народа к предельной мобилизации.

С утратой оснований, неудержанием главного, терпение может переродиться в тривиальную, а то и просто тупую покорность, причем чрезмерную. Героизм как воля и способность жертвенно (что практически неизбежно, ибо преодоление дурного естества сопровождается яростным сопротивлением) противостоять неблагоприятному развитию событий, трансформируется в специфический характер, своеобразный «национальный ресурс»: способность к длительному напряжению сил, запредельную терпеливость, что слишком часто – подчеркнута еще раз – хищнически используется властителями.

Иначе говоря, приметы культурного клише, т.е. особенности жертвенно-героического мировосприятия/поведения, не столь уж редко проявляются как пассивность по отношению к земному устройству и как умножение форм незнающего ограничений «молитвенного разбоя». Без способности к самостоянию, перманентному укреплению личности, постоянному горению, неуступчивости «до *самыя до смерти*» к попыткам коррупции (искушениям), лукавству прагматичной конвертации наличных даров развязываются возможности деспотизма и беспредельной тирании.

Есть между тем у русской психеи даже более глубокий пласт (но данное свойство отметим лишь на полях, не углубляясь в его жгучее содержание) – безудержная устремленность к идеалу. Тяга совершенно особого рода: перфекционизм, заставляющий разрушать и отчасти презирать земное устройство как несовершенные копии недостижимого перфекта.

Это особое свойство русской психеи и особенное прочтение творчества: как искусства сокрушения несовершенств.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Мы живем в мире, степень неопределенности которого заметно возрастает. В конце XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше действий мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает снижение надежности компонентов: закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических и социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление и реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед ЛПР (СЕО) дьявольские альтернативы. Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. Повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоропись нестандартных ситуаций, поддерживать активный интеллектуальный, творческий статус.

Homo sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в пределах механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – *обобщение*³¹, нисходящее на практике до *стандарта*.

* * *

Существуют различные способы организации знания. Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий («руль», «рулевой» превратился в искусство управления – *κυβερνητική*, крепежная скоба мачты – в *ἀρμόνία* как эстетическую категорию и т.п.). В Элладе фактически присутствовали два облака знания: «старое/божественное» и «новое/философское». Внутренняя же организация (линейка) знания зависела от предмета исследования/применения: *бытие – человечество – изделия*.

³¹ Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как следствия богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула сферу гуманитарного знания, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения человеков, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но *объективной объектности* (*de jure*), представляя, однако же, на деле (*de facto*) сумму субъектностей, прошедших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами, высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных, тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимизовать ситуацию, представ факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способным помимо возможностей аналогового мышления использовать потенциал внекатегориального со-знания

В «старом» знании первый ареал был доменом *мистики* (а «предметами» – мифология/музыка/гармония/эстетика), в «новом» – *теории* (предметами же являлись философия/астрономия/математика/физика). Второй ареал – знание о действиях и их последствиях, в первом случае он был представлен *фронесисом* (житейской мудростью), предметную же его сферу составляли литургия и поэтика, в новом знании – это *практика*, предметами которой были этика и политика. Наконец третий круг знания охватывал земледелие (имевшее глубокие сакральные корни³²); свободные и физические искусства: школу – язык/грамматику, мысль/диалектику, речь/риторику, умения (профессии) и ремесло – технэ, как мастерство в изготовлении предметов.

В средневековой Европе возникает другое разделение знания на основе принципиально иного мировоззренческого подхода (христианского взгляда на принципы организации бытия): формируется понимание *естественных наук* как основы объективного суждения (а не наоборот), предполагающих экспериментальное исследование объектов, существующих независимо от человека (верификация гипотез). Базовые постулаты подобного подхода – контекстуальность, «брита Оккама», воспроизводимость эксперимента.

Возможна организация знания на иных принципах, к примеру, на основе лишь статистической устойчивости феномена, получаемого по принципу «черного ящика», допускающая избыточность гипотез относительно характера процесса, а при высокой эффективности результата – неустойчивость при воспроизведении и даже относительную уникальность его достижения.

Можно представить организацию знания в виде тетраграммы, описывающей четыре ситуации: рациональное и отчуждаемое от создателя (формальное, дисциплинарное знание); рациональное и неотчуждаемое (экспертиза как персональное искусство); нерациональное и отчуждаемое (объекты художественного творчества); нерациональное и неотчуждаемое (мастерство, манифестацией которого является субъект *сам по себе*).

* * *

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем делать выводы, ведущие к кардинальному изменению процесса принятия и реализации решений. И все же в мире нарастающей мощи машин силы физического человека кажутся пошатнувшимися, его возможности – ограниченными. Обстоятельства же требуют наличия либо выявляют отсутствие уникальных ресурсов, особых человеческих качеств, указывая при этом на

³² Истоки земледелия коренятся в погребальных обрядах-жертвоприношениях, совершаемых жрецами, в форме приносимых погребаемым в виде лучших, отобранных (селективных) плодов, обильно возвращаемых затем предками в виде богатого урожая, состоящего из элитных сортов.

возможные альтернативы: киборгизацию, искусственный интеллект или эффективную методологию действий в условиях неопределенности.

Со времени мировых войн методология управления объектами, субъектами, событиями претерпела несколько внутривидовых революций, произведя на свет такие регламенты, как исследование операций, системный анализ, системную динамику, теорию высокоадаптивных самоорганизующихся систем. Но сейчас, по-видимому, мы находимся на пороге еще более значимого транзита.

* * *

В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько *состояние* настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам *процесс* как практика перемен и возможный статус бытия.

Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, сделала императивом поиск инструментария, соответствующего конституции сложных и сверхсложных организованностей. Развиваются технологии матричного, рефлексивного, точечного, семантического, внешнего управления, исследуются возможности использования критических зон, облачных структур, терминалов, хабов, аттракторов, идеалов etc. Все это ведет, в частности, к переоценке роли антропологического фактора. Человек перестает быть операциональным элементом системы – объектом, функцией, агентом, его сознание, отношения с природой и обществом претерпевают серьезную перестройку.

Кроме того с расширением спектра значимых взаимосвязей открываются новые обстоятельства.

Выясняется, к примеру, что, как и в естественных науках, присутствие индивида в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Субстанция бытия, ее состояния, оказываются, связаны с субъектом теснее, нежели представлялось; избранный идеал, смысловой образ универсальным образом настраивает события, и, что важнее – определяет стратегический горизонт, а также создает режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или инициирует жесткое противодействие со стороны среды.

Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическая, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими регистрами сложности, постигая и формулируя статус постсекулярности, мы ощущаем соприсутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже метафизических обстоятельств.

* * *

Кризис взаимоотношений с возрастающей сложностью технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, высокий уровень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Существующий категориальный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться, метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия. Особенно заметны подобные изъяны в сфере социальных и гуманитарных дисциплин.

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о состязании в преадаптации – параметрах социокультурной и методологической революции, о генезисе новой рациональности и, возможно, фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. В том числе о переносе акцента на внекатегориальное осознание/опознание инакостей.³³ И далеко не в последнюю очередь – об осмыслении модуса апофатического мировосприятия, о рецептах и сценариях, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии, особенно в среде исихастов.

Наконец, не исключено, что именно синергийный тип сознания и мышления, апофатическое мировидение, способное опознавать неординарные идентичности, оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик и послужить трамплином для вивка цивилизационной динамики.

Культура вневербального постижения предполагает ориентацию в облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по удержанию неопределенной комплексности в ее существенных чертах, целостности и полноте. Другими словами, в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован

³³ «Бытие на разломе» предполагает иную модель параллельного сосуществования или взаимодействия противоположностей, нежели привычное понимание данной ситуации в диалектике. Разрешение ее принадлежит уже не логике синтеза противоречивых постулатов как действия продлевающего гуманитарную легитимность вербально-ментальной конструкции (ее «второго дыхания») в качестве сложноопределившейся *intelligence (intellegentia)*. И не пробуждающему ментальную витальность ступору парадокса, антиномии или апории как предельных форм семантического апофеоза, т.е. все же оставаясь в рамках «древнегреческой парадигмы» – вербализации категории мысли (при смягчающей инобытие обобщений физической и даже антропологической визуализации речевого строя). Полноценное разрешение кризиса катафатического мировидения происходит лишь на стадии (и за счет) критического и драматического (драматического) включения самого естества мыслящего субъекта как средства удержания экзистенции в процессе осознания мучительного, но по-своему органичного, предродового соприсутствия контртезисов в собственном бытии, а не в обезличенном («обезглавленном»), отчужденном и экстравертированном «теле проблемы».

специфический опыт взаимодействия с неопознанными и формально неотрефлексированными, телеологическими и теологическими измерениями бытия...

Возникающие в этой связи предположения, пожалуй, можно изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия сложных, критических решений верно избирает и успешно преследует цели, если при этом он непрерывно беседует с Богом.

Благодарю за внимание.

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. СЕВЕРНАЯ РОМЕЯ. ПРОСТРАНСТВА СЛОЖНОГО ДИАЛОГА

РЕЗЮМЕ. *Цивилизация, выражая универсальную тягу людей к обустройству мира и глобальной экспансии, вместе с тем есть сообщество культурно-исторических типов, имеющих различные мироустроительные программы, вступающие в сложный, чреватый конфликтами диалог. Образ цивилизации-ойкумены запечатлен в архетипе вечногo Рима – странствующей империи, преодолевающей конфессиональные, этнические и географические пределы. Под воздействием культурно-исторического наследия Рима Второго – Византии, складывалась идентичность России, впитавшая также дух экстремальности столь характерный для перманентно пограничных территорий и психологическую доминанту «людей пути», их склонность к неформальности отношений. Апофатическое мировосприятие, синергийный тип мышления могут стать основой нового поколения интеллектуальных практик и послужить трамплином для очередного витка цивилизационной динамики.*

ALEXANDER NEKLESSA. NORTHERN ROMEA. DIMENSIONS OF THE COMPLEX DYALOG

SUMMARY. *Civilization, while being the exponent of universal drive for arranging and tilling the world and for global expansion, is at the same time the unity of cultural-historical types that have different agendas entering into complex dialogue. The image of civilization-oecumene is imprinted in the archetype of Eternal Rome – errant empire overpassing confessional, ethnic and geographical bounds. It is amidst ascendant influence of cultural and historical heritage of Second Rome – Byzantium – that identity of Russia was forming, and the said identity absorbed, in addition to the rest, the spirit of extremity so characteristic of permanently border territories, as well as the psychological dominant of “people en route” – their disposition to non-formal character of relations. The apophatical worldview, the synergy type of thinking may become the basis of a new generation of intellectual practices, and may serve as starting point for a next circuit of civilizational dynamics.*

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС. Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/«Глобальная трансформация» (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), «Камелот» (2004), «София» (2004), ВВЦ-2 /«Время-Вперед-Центр» (2009), «Феникс-К» (2010), «Большая Волхонка» (2011). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Вел еженедельную аналитическую программу «Будущее» (FINAM FM).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Автор приблизительно 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru

И 874. Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации.